

А. Р. Иоаннисян

Из истории франко-русских отношений на Востоке в 1807—1808 гг.

I

После буржуазной революции 1789—1794 гг. Франция впервые предприняла попытку возобновить политические и экономические сношения с Ираном в 1796 г. Французская миссия, отправленная в Тегеран, предлагала возобновить прежние франко-иранские торговые договоры и стремилась добиться вовлечения Ирана в антирусскую коалицию в составе Франции, Швеции, Дании и Турции¹. Цель эта не была достигнута. Начавшаяся вскоре, в связи с походом Наполеона в Египет, война Франции с Османской империей прервала всякую связь между Францией и Ираном.

После заключения в июле 1802 г. мира с Турцией Наполеон сразу же принял меры, чтобы возобновить сношения с Ираном. В инструкциях, данных Брюну, назначенному французским послом в Константинополь, говорилось о необходимости сбора сведений о Персии. Одновременно в Иран был отправлен французский агент — багдадский армянин Давид Мелик-Шахназарян.

На первых порах Фетх-Али-шах, утвердившийся на иранском престоле после убийства своего дяди Ага-Мухаммед-хана и заключивший в 1801 г. договор с Англией, не был склонен идти навстречу французским предложениям. В 1804 г., однако, Иран начал войну с Россией, с целью не допустить присоединения к России Закавказья и вновь подчинить себе Грузию и закавказские ханства, отложившиеся от Ирана еще в середине XVIII столетия. В конце 1804 г. шах, в поисках союзников, отправил через Константинополь письмо Наполеону, в котором сам предлагал французскому императору заключить союз против России. В это время отношения между Россией и Францией все более ухудшались и дело шло уже к явному разрыву между обеими странами, что вскоре привело к вступлению России в третью коалицию. Наполеон поспешил, поэтому, послать в Иран двух агентов — Жюбера и Ромье, которые должны были отправиться туда разными дорогами. Во врученных им письмах, написанных в феврале и марте 1805 г., он уже открыто призывал шаха вести борьбу не только против Англии, но и против России, обещая содействие Франции в укреплении военной мощи Ирана.

¹ См. А. Р. Иоаннисян, Французское посольство в Иран в 1796 г., «Советское востоковедение», 1956, № 1.

Ромье прибыл в Тегеран в октябре 1805 г., где вскоре умер. Жобер, задержанный по дороге байзетским пашой, добрался туда лишь в июне 1806 г. После успешных переговоров он выехал назад во Францию. Вслед за ним в Иран прибыли новые французские агенты — Жуанен, секретарь посольства в Константинополе Лабланш, капитан Бонган, Перена и др.

К тому времени в политической обстановке на Востоке произошло существенное изменение. Франции, с осени 1806 г. вновь воевавшей с Россией, удалось привлечь на свою сторону Османскую империю. 18 декабря 1806 г. турецкий султан Селим III, под сильным нажимом со стороны нового французского посла Себастиани, объявил войну России.

Начало русско-турецкой войны делало еще более актуальными планы французской дипломатии в отношении Ирана. Теперь военные действия Ирана должны были стать одним из звеньев общего наступления на южные границы России. Создавалась возможность осуществить ту основную цель французской политики на Востоке, которую Наполеон в предписаниях, данных Себастиани, формулировал следующим образом: «Тройственный союз — мой, Порты и Персии против России»¹.

О проектах и намерениях французской дипломатии лучше всего свидетельствует инструкция Талейрана Себастиани от 20 января 1807 г. В инструкции этой министр иностранных дел писал: «Русские не имеют достаточно войск в Молдавии и Валахии, чтобы быть в состоянии перейти Дунай; они имеют самое большее 35 000 человек и заставить их держать вторую армию в Крыму значит еще более их ослабить. Необходимо, чтобы турецкая эскадра действовала в Черном море, где русские не в силах сопротивляться туркам. Необходимо также расшевелить Персию и направить ее усилия на Грузию. Добейтесь от Порты, чтобы она дала приказ эрзерумскому паше двинуться на эту провинцию со всеми своими силами. Поддерживайте доброе расположение абхазского князя² и побудите его принять участие в большой диверсии против общего врага. Пусть этот князь, эрзерумский паша, персы и Порта атакуют одновременно Грузию, Крым и Бессарабию»³.

Еще за три дня до этого, 17 января, Наполеон отправил новое письмо шаху, в котором, сообщая о своих «победах» над русскими, писал: «Со своей стороны атакуй решительно неприятелей, которых мои победы предоставляют тебе обесцененными и обескураженными; отбери у них Грузию и все провинции, которые принадлежали твоей империи, и вновь закрой перед ними каспийские порты, которые столь долго охраняли вход в твои владения». Сообщая о начале русско-турецкой войны и указывая, что русские вынуждены бороться против «сил трех могущественных империй», он заканчивал свое письмо следующим предложением:

¹ E. Driault, La politique orientale de Napoléon, Paris, 1904, p. 60.

² Речь идет о владетельном князе Абхазии Келам-бее.

³ J. de Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères, Paris, 1865, II, pp. 290–291.

«Сговоримся все трое (т. е. Франция, Турция и Иран — А. И.) и заключим вечный союз»¹.

Два месяца спустя, 14 марта, в новом письме к шаху Наполеон снова давал совет воспользоваться благоприятными обстоятельствами. В сопроводительном письме к иранскому престолонаследнику Аббас-Мирзе, командовавшему иранскими войсками, он призывал последнего к решительным действиям и «новым усилиям»².

В своем письме от 3 апреля, французский император просил султана Селима достичь соглашения с шахом, являющимся врагом России, с тем, чтобы сделать возможным совместное нападение на общего неприятеля. Одновременно он вновь известил шаха о своем желании, чтобы Персия была другом Турции и чтобы обе эти державы, покончив с распрями, совместно противостояли бы своему истинному неприятелю³.

К этому времени, однако, в Европу прибыл уже иранский посол Мирза-Риза, посланный шахом для переговоров о заключении франко-иранского союзного договора. Последний прибыл в Варшаву в начале 1807 г., а в конце апреля был вызван в замок Финкенштейн (в Восточной Пруссии), где в то время находился Наполеон.

Еще до приезда Мирза-Ризы в Финкенштейн министр иностранных дел Талейран обратился к Наполеону с запросом — добиваться ли заключения тройственного договора между Францией, Турцией и Персией, как он сам считает желательным, или же, как предлагает Жкобер, заключить два отдельных договора с этими державами, принимая во внимание существующие между ними противоречия⁴. Поскольку из высказываний прибывшего почти одновременно с Мирза-Ризой турецкого посла Вахид-эфенди вскоре выяснилось неприязненное отношение турок к своим восточным соседям⁵, решено было принять предложение Жкобера о заключении особого франко-иранского союзного договора.

Договор этот, подписанный в Финкенштейне 4 мая 1807 г.⁶, состоял из преамбулы и шестнадцати статей. Он провозглашал «мир, дружбу и союз» между французским императором и иранским шахом (ст. 1). Наполеон гарантировал Ирану «неприкосновенность его теперешней территории» (ст. 2), признавал Грузию «законно принадлежащей» шаху (ст. 3) и брал на себя обязательство принудить Россию «эвакуировать» Грузию и другие области Закавказья (ст. 4). Он брался также поставить Ирану необходимое количество пушек и ружей и предоставить в распоряжение шаха офицеров различных родов войск для возведения укреплений и реорганизации иранской армии «согласно принципам европейского искусства» (ст. 6, 7). Со своей стороны шах брал на себя обяза-

¹ «Correspondance de Napoléon Ier, XIV, p. 258.

² Там же, стр. 548—549.

³ V. J. Puryear, *Napoleon and the Dardanelles*, Berkeley and Los Angeles, 1951, pp. 161—162.

⁴ Там же, стр. 152.

⁵ Driault, p. 168.

⁶ De Clercq, *Recueil des traités de la France*, Paris, 1880, II, pp. 201—203.

тельство порвать с Англией все политические и торговые сношения, объявить ей войну, отозвать иранского посла из Бомбея и не допускать в Иран каких-либо английских представителей или агентов (ст. 8). Он должен был обеспечить свободный проход своих войск через Афганистан для нападения на английские владения в Индии (ст. 10) и пропустить через иранскую территорию французскую армию, в случае, если таковая будет послана в Индию (ст. 12).

Финкенштейнский договор преследовал двойную цель. С одной стороны он был направлен против Англии и имел своей задачей не только изгнать из Ирана англичан, но и подготовить поход на Индию. Прежде всего, однако, договор этот был направлен против России и преследовал цель не допустить присоединения к России Закавказья.

Еще до заключения Финкенштейнского договора, 12 апреля, Наполеон подписал декрет о миссии, которая должна была отправиться в Иран во главе с одним из его адъютантов генералом Клод-Матье Гарданом. В письме, написанном в тот же день Талейрану, Наполеон, говоря о целях и задачах этого посольства, специально останавливался на вопросе оказания Ирану военной помощи против России. Он предлагал сообщить иранскому послу, что он готов отправить в Иран 10 000 ружей, а также пушки и канониры. Он высказывал надежду, что уже в октябре он сможет отправить в Иран морским путем военный отряд в 1500 человек и организовать «громадную диверсию против России», поскольку эти французские войска станут ядром корпуса в 10 или 12 тысяч человек, который под командованием Гардана сможет в два месяца разбить русских¹.

Данная Гардау 10 мая письменная инструкция делает еще более очевидными основные цели, которые преследовал Наполеон при подписании франко-иранского союзного договора. «Персия,— говорилось в этой инструкции,— рассматривается Францией с двух точек зрения: как естественный враг России и как проход в Индию». Поэтому Гардану предписывалось не только изучить возможность экспедиции в Индию, но и стремиться разжечь войну Ирана против России. Он должен был «поддерживать неприязнь персов против России», побуждать их «к новым усилиям» и всячески содействовать их военным операциям. Необходимо добиться, указывалось в инструкции, чтобы персы захватили Грузию и оттеснили русских на Кавказский хребет. Нужно также содействовать заключению военного союза Ирана и Турции против России. Следует подумать и об организации нападений на русские границы со стороны Туркестана. Прикомандированные к миссии офицеры должны изучать маршруты, собирать стратегические сведения, посетить не только порты Персидского залива, но и каспийские порты, а также «сделать для России еще более грозными военные силы Персии». Необходимо заключить конвенцию о поставке в Иран необходимого вооружения. В случае продолжения войны с Россией можно дать согласие на присылку в

¹ „Correspondance de Napoléon Ier“, XV, pp. 76—76.

Персию четырех или пяти батальонов пехоты и двух или трех рот артиллерии¹.

Именно в этих целях в состав миссии генерала Гардана, наряду с несколькими дипломатами, драгоманами и обслуживающим персоналом, были включены и многочисленные офицеры различных родов войск. Ленин называет поэтому посольство Гардана военной миссией. В конспекте книги Иегера «Персия и персидский вопрос» он пишет: «1807. Военная миссия Наполеона I в Персии (70 офицеров и пр. с генералом Гарданн»².

Тремя секретарями посольства являлись: старший брат генерала — Анж Гардан, французский консул в Багдаде Жозеф Руссо и известный впоследствии ориенталист и член Академии надписей Феликс Лажар. Первым драгоманом был назначен Жуанен, уже до этого отправленный в Иран. В числе прикомандированных к миссии офицеров были: инженер-географ лейтенант Трезель, впоследствии генерал, руководивший подавлением бланкистского восстания 12 мая 1839 г., капитаны инженерных войск Трюилье и Лами, лейтенанты артиллерии Фавье и Ребуль, капитан кавалерии Пепен, капитан пехоты Вердые. В состав французского посольства входили также два монаха-миссионера³.

Некоторые из членов миссии находились уже в Иране. Но основная часть французского посольства во главе с самим Гарданом и в сопровождении Мирза-Ризы выехала в июне через Варшаву в Константинополь. Там к ним присоединились те члены миссии, которые до этого находились в турецкой столице. Из Константинополя французское посольство проследовало через Малую Азию в Тегеран, куда прибыло 4 декабря 1807 г.

Еще в то время, когда миссия находилась в пути, ей вдогонку были отправлены две депешы нового французского министра иностранных дел Шампаньи от 26 августа и 10 ноября⁴. Объяснялось это тем, что сразу же после отъезда французского посольства в международной обстановке произошел коренной перелом. В июле 1807 г. был заключен Тильзитский договор. Из врагов Россия и Франция превратились в союзников.

Казалось бы в новых условиях должна была быть немедленно отмечена прежняя инструкция, данная Гардану; более того, должен был быть изменен франко-иранский договор, текст которого Гардан вез с собой в Иран. Никаких подобных указаний мы не находим, однако, в упомянутых письмах Шампаньи. В них ничего не говорилось о необходимости отмены или пересмотра Финкенштейнского договора. Правда, в них ука-

¹ „Mission du général Gardane en Perse sous le Premier Empire“, Paris, 1865. Сборник архивных документов французского министерства иностранных дел, опубликованных сыном Гардана. Инструкция Гардану от 10 мая 1807 г., стр. 81—94.

² „Ленинский сборник“, XXIX, 351.

³ Список членов французской миссии см. в „Mission...“, стр. 103—105; список этот, однако, не полный. Полный список см. в книге Анжа Гардана, *Journal d'un voyage dans la Turquie et la Perse fait en 1807 et 1809*, Paris—Marseille, 1809, pp. 1—2.

⁴ „Mission...“, pp. 318—324.

зывалось, что продолжение войны между Ираном и Россией больше не вызывалось необходимостью. Гардану предписывалось содействовать заключению мира между этими державами, но он должен был обеспечить Персии «почетный мир».

Французская миссия, по прибытии в Иран, сразу же развернула кипучую деятельность. Офицеры миссии немедленно приступили к сбору стратегических сведений. Среди пройденных и обрекогносцированных французскими офицерами путей и составленных ими 124 маршрутов имелись и маршруты, отнюдь не связанные с подготовкой экспедиции в Индию. Французскими офицерами были, в частности, подробно изучены все пути и населенные пункты северных районов страны — Азербайджана и прикаспийских провинций¹.

Один из французских разведчиков — Трезель — совершил в этих целях с несколькими лицами из персонала миссии специальное путешествие к берегам Каспийского моря. Составленная им «Записка о Гиляне и Мазандаране» содержала подробные сведения о местоположении, климатических условиях, естественных богатствах, экономике, торговле, городах и портах этих двух провинций². Интересно отметить, что в этой «Записке» специально рассматривался вопрос об «обороне» Энзели и других портов.

О пребывании в Энзели Трезеля и его спутников мы имеем сведения и из русских архивных документов. В сентябре 1808 г. капитан Степанов сообщал, что четверо французов, находясь в Энзели, «делали во многих местах промер и опись»³.

Деятельность Трезеля на севере Ирана не ограничилась только этим. Он посетил ханства Нахичеванское и Ереванское и изучил маршрут Нахичевань — Ереван — Тбилиси⁴.

Сразу же по прибытии в Иран французские офицеры занялись также обучением иранских войск регулярному строю. Основное внимание уделялось обучению войск Аббас-Мирзы, т. е. войск, воевавших с русскими. Обучение этих войск началось еще до приезда миссии Гардана. Этим занимался капитан Бонтан, прибывший за несколько месяцев до этого в Иран. После приезда французского посольства обучение иранских войск было поручено нескольким офицерам миссии.

Общее руководство осуществлял капитан Вердье, который впоследствии, по специальному ходатайству Аббас-Мирзы, был награжден Наполеоном «за успешное обучение персидских войск» орденом почетного

¹ Копии многих из этих маршрутов имеются в ЦГВИА, ф. 446, дд. 193, 198, 209, 211, 216, 223, 256, 257 и др. Среди них имеется и маршрут из Тавриза в Ереван.

² P. A. Jaubert, *Voyage en Arménie et en Perse*, Paris, 1821, pp. 447—463. Им был представлен и второй доклад об этих областях, текст которого имеется в ЦГВИА, ф. 416, д. 163.

³ «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею», III, 495.

⁴ Собранные им данные были использованы автором карты, приложенной к книге Жюбера (Jaubert, указ. соч., стр. 469—471).

легиона¹. По словам иранской хроники, Вердые проявил столь большое усердие, что Аббас-Мирза «передал в его умелые руки полную власть над солдатами, предназначенными для обучения новой системе»².

Вместе с Вердые в Тавризе находилось и несколько других французских офицеров и унтер-офицеров. Еще в начале 1808 г. посланный русским командованием представитель видел в Тавризе «несколько человек французов, которые обучают набираемое шах-заде войско из разных бродяг, называемых сарбаз, на европейский манер и сверх того, делают чертежи на пушечные лафеты и ящики»³. В июле русский главнокомандующий на Кавказе Гудович сообщал, что «в Тавризе при Аббас-Мирзе находится 6 батальонов регулярной пехоты, обучаемых четырьмя французскими офицерами»⁴. К их числу принадлежал и капитан кавалерии Пепен, «обучавший регулярно персидскую конницу»⁵.

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные — донесения, полученные русскими властями, сообщения самих членов миссии Гардана, сведения, собранные впоследствии англичанами, — говорят о том, что французскими офицерами была организована и обучена в Тавризе регулярная армия в шесть тысяч человек⁶.

Французские офицеры приняли меры и для подготовки нового командного состава. В Тавризе была организована школа, где шестнадцать молодых иранских офицеров из армии Аббас-Мирзы изучали математические дисциплины, а также военную теорию, тактику и искусство фортификации. Обучал их другой представитель французской миссии, капитан Лами, по адресу которого иранская хроника также не скупится на самые лестные отзывы, отмечая его «величайшее усердие», его глубокие познания и мудрость⁷. По словам этой хроники, он сумел обучить своих учеников «математическим наукам, способу построения шеренг, определения местоположения лагерей, искусству задерживать продвижение неприятеля путем возведения оборонных сооружений и рытья окопов, а также строительству фортов на европейский манер»⁸.

¹ «Correspondance inédite de Napoléon I, conservé aux archives de la Guerre», Paris, 1912, II, pp. 657—658.

² «The Dynasty of the Kajars, Translated from the original Persian Manuscript presented by His Majesty Fathy Aly Schah to sir Harford Brydges», London, 1833, pp. 373—374.

³ «Акты», III, 455.

⁴ «Акты», III, 484.

⁵ АВПР, ф. СПб Главный архив, 1—13, 1807—1810 гг., д. 1, л. 6.

⁶ Об этом пишет в своей книге Дюпрэ, сообщающий, что под руководством Вердые было подготовлено 6 тысяч человек, «обученных строю и одетых почти по-европейски» («Voyage en Perse...», II, 298). Два купца, посетивших в марте 1808 г. Тавриз, показали, что там «обучают войска около 6000 ныне там находящихся» и что пребывающие там французы «дают планы к устроению регулярных войск» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4259, л. 66—67 об.). Эту цифру назвал впоследствии английской миссии и визирь Аббас-Мирзы — Мирза-Бозург, F. Morier, A Journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople in the years 1808 and 1809, London, 1812, p. 282.

⁷ «The Dynasty of the Kajars». Гардан характеризовал Лами как выдающегося офицера, умного, способного и усердного (Гардан — Шампань, 25 октября 1808 г., «Mission...», 213).

⁸ «The Dynasty of the Kajars», p. 417.

Лами и сам разрабатывал планы укрепления пограничных иранских крепостей. Именно по составленному им плану (хотя и с искажением его первоначального замысла) была впоследствии возведена на территории Нахичеванского ханства новая крепость европейского типа — Аббас-Абад¹.

Одной из причин слабости иранской армии являлось отсутствие артиллерии. Имевшиеся в ее распоряжении допотопные орудия не только были малоэффективны, но часто, благодаря преждевременному разрыву снарядов, наносили больше ущерба самим персам, чем их противникам. Миссия Гардана приняла поэтому меры для снабжения иранской армии настоящей артиллерией. Под руководством артиллерийского офицера Фавье в Испагане была организована мастерская для литья пушек. Уже к августу 1808 г. там было изготовлено около 20 орудий². Литье пушек было организовано также в Тавризе, где был основан арсенал, с рядом военных мастерских и пороховым заводом³.

Кроме организации производства вооружения на месте, Гардан, во исполнение данной ему инструкции, сразу же по прибытии в Иран подписал конвенцию о поставке 20 тысяч ружей, которые должны были быть доставлены в один из портов Персидского залива⁴. Конвенция эта, пересланная во Францию, была передана Наполеоном на заключение в военное министерство⁵. Однако Наполеон тут же принял меры для организации поставки оружия в Иран. 28 октября 1808 г. он предписал морскому министру Декрэ дать распоряжение губернатору Маскаренских островов генералу Декану послать в Иран фрегат и постараться доставить туда тысячу ружей⁶.

Все приведенные выше данные в достаточной мере характеризуют деятельность миссии Гардана. Наряду с изучением вопроса о возможности организации экспедиции в Индию, французская миссия, несмотря на Тильзитский мир, оказывала прямую помощь Ирану в его войне против России, войне, имевшей целью захват Закавказья.

Необходимо тут же указать, что, одновременно, посольство Гардана усердно выполняло и другую возложенную на него задачу — а именно стремилось установить в самом Иране политическое и экономическое преобладание Франции. Именно в этих целях Гардан и добился заключения кабального для Ирана торгового договора, предоставлявшего Франции исключительные политические и экономические привилегии, вплоть до создания военной базы на острове Харк в Персидском заливе. Но эта сто-

¹ „The Dynasty of the Kajars“, pp. 417—418.

² Все это подробно описано в письмах самого Фавье. См. *Driault*, ук. соч., pp. 317—318.

³ *G. Drouville, Voyage en Perse, fait en 1812 et 1813, Seconde édition, Paris, 1825*, II, p. 243.

⁴ Гардан — министру иностранных дел, 24 декабря 1807 г. („Mission...“, 109). Текст конвенции см. *De Clercq, „Recueil des traités...“*, II, стр. 244—245.

⁵ Шампаньи — Гардану, 2 ноября 1808 г. (Там же, стр. 336).

⁶ „Correspondance de Napoléon Ier, XVIII, p. 30.

рона деятельности французского посольства выходит за пределы нашей темы.

II

Поддерживая притязания Ирана на Закавказье, французское посольство не могло, естественно, не уделять внимания политическому положению в Закавказье, а также настроениям местного населения. Вывод, к которому вынуждена была прийти французская миссия, был для нее весьма неутешительным. В своих докладных записках Гардан должен был признать, что, вопреки утверждению шаха, население Закавказья отнюдь не стремилось вернуться под персидское владычество и предпочитало русскую власть «деспотическому игу Персии»¹. Что касается провинции между Ереваном и Тавризом, то и здесь, по его словам, основное население, состоящее из крестьян, лишенных собственности, могло лишь выиграть от перемены хозяина. Множество недовольных, указывал он, имеется и среди «высших классов». Многие из числа знати легко могут последовать примеру бывшего хойского хана Джафар-Кули, ставшего русским генералом².

Таким образом, Гардан вынужден был констатировать, что азербайджанские и армянские трудящиеся массы и даже значительная часть азербайджанских ханов хотели избавиться от иранского владычества и тяготели к России. Относительно же армян он прямо писал, что Россия имеет и в Турции и в Персии столько же сторонников, сколько там имеется «христиан»³.

Неудивительно поэтому, что французская дипломатия ставила перед собой задачу отдалить от России народы Закавказья и подчинить их своему влиянию. Она стремилась использовать в этих целях реакционных представителей господствующих классов и превратить их в свое политическое орудие.

Есть все основания полагать, что миссия Гардана поддерживала связь с грузинскими царевичами, бежавшими в Иран во главе с царевичем Александром и рассчитывавшими с помощью персов отторгнуть Грузию от России. О. П. Маркова в своей книге «Восстание в Кахетии 1812 г.» ссылается на тот факт, что еще до приезда посольства Гардана существовали какие-то сношения между французскими и грузинскими царевичами, возлагавшими уже в то время большие надежды на Францию⁴. Вряд ли, поэтому, можно сомневаться, что посольство Гардана поддерживало контакт с проживавшими в Иране грузинскими феодалами. О. П. Маркова вполне справедливо указывает в этой связи на племянника Александра, царевича Теймураза, который был в то время начальником артиллерии в войсках Аббас-Мирзы и, следовательно, вряд ли мог не общаться с французскими офицерами, обучавшими иранские войска.

¹ Гардан — Шампань, 26 августа 1808 г. („Mission...“, p. 187).

² Гардан — Шампань, 23 апреля 1809 г. („Mission...“, p. 3.0).

³ Докладные записки от 26 ноября 1808 г. и 23 апреля 1809 г. (Там же, стр. 256—257, 309).

⁴ О. П. Маркова, *Восстание в Кахетии 1812 г.*, Москва, 1951, стр. 220—221.

Особое внимание французская дипломатия уделяла армянам. Она ставила перед собой две задачи. Прежде всего она стремилась выступать в роли покровителя армян-католиков (что было традиционной французской политикой, начиная с эпохи Людовика XIV) с тем, чтобы превратить их в прямых французских агентов. Об этом свидетельствует подписанный Гарданом договор, в пятнадцатом пункте которого было специально предусмотрено обязательство иранских властей не подвергать преследованию «христиан» за проявленное ими уважение к католическим миссионерам и не беспокоить находящихся под покровительством этих миссионеров армян или их детей. В этой связи и следует рассматривать деятельность двух монахов-миссионеров, входивших в состав французской миссии. Эти «святые отцы» были посланы в Иран с совершенно определенной целью. Если прикомандированные к миссии офицеры должны были заниматься военным шпионажем, то им поручено было собирать сведения о проживавших на территории Ирана «христианах» и вести среди них соответствующую пропаганду.

Одновременно французская дипломатия ставила своей целью завязать сношения с Эчмиадзином, дабы подчинить своему влиянию армяно-григорианскую церковь и, с ее помощью, отклонить армян и прежде всего армянские господствующие классы от русской ориентации.

Еще в 1805 г. Наполеон пытался установить связь с Эчмиадзином, находившимся в то время в руках представителя наиболее реакционных групп армянских господствующих классов, католикоса Давида, относившегося враждебно к России и ориентировавшегося на западноевропейские державы. Письмо французского императора, отправленное с проводником Жобера, не дошло, однако, по назначению, из-за событий, разыгравшихся в Баязете.

Понятно поэтому, что одной из задач посольства Гардана являлось возобновить эту попытку. К тому времени, однако, положение существенно изменилось. В мае 1807 г. России удалось — при активном содействии подавляющего большинства армянских церковников и особенно армянской буржуазии — добиться низложения Давида и возвращения в Эчмиадзин из ссылки прежнего католикоса Даниэла. Таким образом, католикосом был теперь представитель той основной части армянских господствующих классов, которая, исходя из своих экономических и политических интересов, придерживалась русской ориентации.

О политических настроениях Даниэла и его окружения свидетельствует как его переписка этого периода, так и вся его деятельность. Еще в сентябре 1805 г. он отправил из ссылки письмо в Тбилиси, прося ускорить русский поход на Ереван. По возвращении в Эчмиадзин он 30 октября 1807 г. отправил Александру I специальное обращение, в кото-

¹ Матенадаран, арх. католикосата, папка 16, док. 124.

ром, заверяя его в своих верноподданнических чувствах, высказывал надежду, что Россия освободит Армению от иранского ига, что «лучи знамени императора» распространятся на Армению и что армяне со всего света смогут вновь вернуться на лоно своей родины¹.

В 1807—1808 гг. Эчмиадзин превращается в информационный центр, снабжавший русские власти на Кавказе сведениями о политическом положении как в Ереванском ханстве, так и в Иране и в турецких владениях. «Время меня уверило,— писал в марте 1808 г. командующий русскими войсками в пограничной Памбакской провинции генерал Несветаев ближайшему помощнику Даниэла, епископу Нерсесу,— сколь вы во всех случаях во мне принимаете участие и доверяете, а потому я усердно вас прошу поверить иногда новости персидского и турецкого государств вам известные переводчику моему Аршагову»². И не только Нерсес, но и сам католикос систематически снабжали русского командующего необходимой информацией. «Ечмиадзинский патриарх, опасаясь отпрзвить письмо, приказал посланному секретно меня уведомить...», «ечмиадзинский патриарх меня уведомляет...» — такие ссылки мы неоднократно встречаем в донесениях Несветаева³.

Одной из тем поступавшей из Эчмиадзина информации служила деятельность в Иране французских агентов. «Патриарх уведомляет,— писал, например, в одном из своих донесений Несветаев,— что французских посланников в Персии нет (дело было до приезда миссии Гардана — А. И.), кроме французских офицеров с тайными поручениями от французского императора, при Баба-хане находящихся»⁴.

Русское правительство высоко ценило, поэтому, деятельность Даниэла и всячески поощряло его. Александр I наградил его в апреле 1808 г. орденом Анны первой степени «за преданность и усердие к нашей империи», как было сказано в препроводительной грамоте⁵.

Такова была обстановка в Эчмиадзине, когда 16 июня 1808 г. туда прибыл атташе французского посольства Жанбаптист де-Буасон⁶, который вез во Францию корреспонденцию миссии. Мы не имеем никаких прямых сведений о переговорах Буасона в Эчмиадзине. До нас дошли только три письма, написанные Даниэлом на имя Наполеона, министра вероисповеданий и юстиции Порталиса и самого Буасона и помеченные тем же 16 июня⁷.

¹ Матенадаран, арх. католикосата, папка 18, док. 190.

² Там же, папка 19, док. 25.

³ ЦГБИА. ф. ВУА. д. 6164(58), л. 103; л. 94.

⁴ Там же, д. 6164(58), л. 94 об.

⁵ «Архив армянской истории», V, 547.

⁶ См. о нем в дневнике Анж Гардана *Journal d'un voyage...*, стр. 1—2, 53. В числе прочих членов миссии Гардана он был награжден шахом орденом солнца.

⁷ Матенадаран, арх. католикосата, папка 19, док. 170, 199, 200. Письма эти были опубликованы дважды—в журнале «Лума» за 1897 г., № 1, стр. 292—297, и в «Архиве армянской истории», V, 552—556. В имеющихся в Матенадаране черновиках этих писем нет существенных разночтений по сравнению с окончательным текстом. Дело сводится лишь к некоторым стилистическим поправкам.

Письмо, которое вместе с подарками было вручено Буасону самим католиком, содержит лишь обычные любезности — выражение радости по поводу его приезда и пожелание счастливого пути. В письме к Порталису говорилось о традиционном покровительстве «римских князей» армянской церкви и содержалась просьба передать Наполеону отправленное на его имя письмо. В послании к Наполеону также упоминалось о покровительстве римских императоров армянским царям и патриархам в прежние времена. Далее выражалась радость по поводу прибытия в Эчмиадзин его представителя и содержалась просьба оказывать покровительство армянскому народу и армянской церкви во всех тех странах, на которые распространяется его власть.

Эти письма Даниэла, написанные к тому же не по собственной инициативе, а в результате посещения Эчмиадзина представителем французского посольства, свидетельствуют о том, что миссия последнего не увенчалась особым успехом. Католикос, правда, написал письмо Наполеону, но в письме этом содержалась, по существу, лишь просьба о покровительстве армянам и армянской церкви в подвластных французскому императору странах — стандартная формула, которую мы находим во всех обращениях армянских католиков того времени к монархам и правителям различных государств. Всего лишь несколько дней спустя тот же Даниэл, например, в связи с некоторыми церковными делами, обратился с письмом к австрийскому императору Францу, в котором в тех же выражениях говорилось о покровительстве римских императоров армянским царям и патриархам и выражалась надежда, что австрийский император будет поступать аналогичным образом¹.

Полученная Гарданом информация вскоре заставила его окончательно убедиться, что новый армянский католикос не был склонен следовать примеру своего предшественника и определенно придерживался русской ориентации. В своем дописании Шампаны от 26 ноября 1808 г., говоря о все усиливающемся влиянии России на армян, он с раздражением писал, что России удалось посадить на патриарший престол Эчмиадзина «одну из своих креатур»².

III

Военные действия между русскими и иранскими войсками к началу 1807 г. фактически прекратились. К этому времени под властью России находились уже почти все закавказские ханства, за исключением ханств Ериванского и Нахичеванского. При создавшихся условиях русская дипломатия рассчитывала завершить войну с Ираном путем переговоров. С другой стороны и Иран не прочь был для выигрыша времени вести переговоры с Россией.

В сентябре 1806 г. гилянский хан Мирза-Муса прислал через своего представителя письмо, в котором содержалось предложение приступить

¹ «Архив армянской истории», V, стр. 556—559.

² «Mission...», p. 256.

к мирным переговорам и послать с этой целью в Тегеран русского представителя. Гудович отправил в Тегеран майора Степанова. Последний прибыл в столицу Ирана в начале 1807 г., но его переговоры там не дали никаких результатов. Иранское правительство отказалось подписать перемирие и предложило немедленно заключить мирный договор, на условии присоединения к Ирану не только Закавказья, но и Дагестана и всех земель вплоть до Кизляра. Эти фантастические требования были, разумеется, отвергнуты и переговоры зашли в тупик. Персы не шли ни на какие уступки, так как рассчитывали получить помощь от турок и французов.

Несмотря на трения и пограничные конфликты между Османской империей и Ираном, возможность заключения соглашения между обоими государствами казалась, после начала русско-турецкой войны, вполне реальной. Повторные настойчивые обращения Наполеона к султану и шаху с требованием установления дружественных и союзных отношений между Турцией и Ираном в целях совместной борьбы против России не остались безрезультатными. В Тегеран прибыл представитель Порты Рефи эфенди для переговоров о тройственном франко-турецко-иранском союзе¹.

К тому времени военные действия между турецкими и русскими войсками развернулись и на территории Закавказья. Фетх-Али-шах, умышленно затягивая переговоры с Гудовичем, собирал новые войска и готовился, соединясь с турками, неожиданно напасть на русские².

Этот план был сорван благодаря блестящей победе русских войск над турками в Арпачайском сражении 18 июня 1807 г. Иранские войска, во главе с Аббас-Мирзой, находившиеся в 25 верстах от поля сражения и ожидавшие его исхода, вынуждены были, после понесенного турками поражения, отступить к Нахичевани. Арпачайское сражение предотвратило осуществление планов, связанных с намечавшимся ирано-турецким союзом.

Если, однако, и после этих событий иранское правительство не согласилось на предложенное Россией перемирие, то объяснялось это теперь надеждой на французскую помощь, на основе подписанного незадолго до этого Финкенштейнского договора³. Прибытие миссии Гардана еще более укрепило эту надежду.

В январе 1808 г. ереванский Хусейн-хан «секретно» сообщал командующему русскими пограничными войсками генералу Несветаеву: «Бонапарте в скором времени пришлет своего уполномоченного в Тифлис, где с посредством французов заключен будет мир с Россией. Баба-хан (Фетх-Али-Шах — А. И.) отправляет свое посольство к Наполеону и просит, чтобы мир заключен был с россиянами без отдачи города Еривани.

¹ А. Ф. Миллер, Мустафа паша Байрактар, М. — Л., 1947, стр. 150. Упоминание о миссии Рефи эфенди имеется лишь в «Истории Джевдета», на которую и ссылается А. Ф. Миллер.

² Рапорт Гудовича от 15 марта 1807 г. («Акты», III, 433).

³ Рапорт Гудовича от 15 ноября 1807 г. (Там же, 99—101).

Посланники уверили Баба-хана, что Бонапарте для его сделает; в случае несогласия русских на это, может последовать и у них разрыв мира» — т. е. Франция в таком случае порвет Тильзитский мирный договор¹. Во втором своем письме Хусейн-хан извещал уже Несветаева, что французы вынудят русских отказаться не только от Еревана, но и от приобретенных ими до этого территорий. Ему объявлено было, писал он, что французский император «прислал трактат, по подписке коего персидским государем французский государь пошлет человека, дабы вывести российские войска из земель персидской и турецкой»². Эти письма Хусейн-хана весьма характерны с точки зрения настроения иранских правящих кругов и их уверенности в решающем значении союза с Францией.

В марте 1808 г. Гудович писал министру иностранных дел Румянцеву: «По собственному признанию персиян известно, что продолжаемые мною переговоры с ними о мире никогда бы не имели встречаемой доселе медленности и затруднений, если бы Баба-хан не опирался на тех обещаниях, кои деланы были оному от Франции при существовавшей войне с Россиею». Гудович считал поэтому необходимым, чтобы французское посольство в ясной и определенной форме заявило шаху и Аббас-Мирзе, что Франция, заключившая мир и союз с Россией, не выполнит данных прежде обещаний и «не станет действовать против пользы России»³.

Еще до этого в Петербурге были начаты переговоры по персидскому вопросу с французским послом Коленкур. Впервые этот вопрос был затронут во время беседы Коленкура с Александром I 21 января 1808 г. Разговор шел об организации совместной французо-русской экспедиции в Индию — план, который, вместе с проектом раздела Турции, усиленно выдвигал в то время Наполеон, чтобы отвлечь внимание России от европейских дел. Александр сразу же выразил сомнение в возможности подобной экспедиции, Коленкур же всячески стремился доказать обратное. В этой связи он завел речь и об Иране, который следовало бы, по его словам, для успеха экспедиции, привлечь на свою сторону. При этом он заявил следующее: «Именно исходя из желания быть полезным войскам вашего величества (т. е. тем войскам, которые, в случае осуществления французских предложений, должны были бы двинуться на Индию — А. И.) император и разрешил своему послу продолжить путь в Персию»⁴.

Это объяснение не было экспромтом самого Коленкура. Последний лишь дословно повторил инструкцию, данную ему перед отъездом в Россию⁵.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164 (58), л. 103.

² Там же, д. 4259, л. 92—92 об.

³ «Акты», III, 419.

⁴ «Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона, 1808—1812», СПб, 1905—1914, I, 72—74. Изложение этой беседы см. также в письме Коленкура к Шампаньи от 29 января 1808 г., Там же, 91—92.

⁵ «Сборник Русского исторического общества», т. 88, стр. 300—301.

Приведенная выше беседа Коленкура с Александром I характерна в том смысле, что она наглядно показывает тактику, которой придерживалась французская дипломатия, настойчиво стремившаяся и в дальнейшем уверить русское правительство, что миссия Гардана имела своей единственной целью подготовку совместного франко-русского похода в Индию и, следовательно, была столь же в интересах России, как и Франции.

Пользуясь случаем, укажем, что эта фальшивка наполеоновской дипломатии была полностью воспринята французской буржуазной историографией. Лучшим свидетельством этого является известная работа Вандаля «Наполеон и Александр I», в которой (несмотря на ее тему) не только ни словом не упоминается о враждебной России деятельности миссии Гардана, а наоборот, пребывание этой миссии в Иране после Тильзитского мира всецело связывается с долголетней мечтой Наполеона об экспедиции в Индию¹. К сожалению, эта легенда нашла свое отражение и в советской исторической литературе².

Заверения Коленкура не ввели, однако, в заблуждение русское правительство. 20 февраля, во время новой беседы с французским послом, Александр сообщил, что персы хотят заключить мир с Россией и просил Коленкура написать Гардану, чтобы тот оказал в этом содействие русскому представителю, отправляемому в Иран. Ведь именно англичане стараются помешать персам заключить мир. «Достигнем, генерал, взаимопонимания,— сказал он в заключение,— и не дадим возможность думать, что можно нас друг от друга отдалить. Я искренно являюсь союзником вашим и никого другого. Будьте таким же союзником для меня»³.

Вопрос был поставлен ребром и французское правительство не могло уклониться от формального выполнения просьбы своего официального союзника. 2 апреля Шампаньи, от имени Наполеона, предписал Коленкуру написать Гардану, рекомендуя ему русского офицера, отправляемого в Иран для мирных переговоров. Одновременно французский министр иностранных дел сообщил о своем намерении дать указание Гардану употребить все свое влияние, чтобы поддержать демарши России в целях скорейшего заключения мира с Персией⁴. Коленкур написал соответствующее письмо Гардану, показав его, как и письмо Шампаньи, Александру I, который выразил свою благодарность Наполеону «за это проявление дружбы»⁵.

¹ А. Вандаль, Наполеон и Александр I, СПб, 1910, стр. 225—227.

² См., напр., статью *Антюхиной*, *Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I* («Ученые записки Ленинградского Государственного университета», № 36, Ленинград, 1939, стр. 257—277).

³ «Дипломатические сношения...», I, 154. Изложение этой беседы см. также в письме Коленкура Шампаньи от 25 февраля (Там же, I, 165).

⁴ Там же, VII, 32.

⁵ Там же, II, 132--133.

Но вся эта переписка была предназначена лишь для русского правительства. Фактически же Шампаньи в своем письме Гардану предлагал лишь оказать содействие «сближению между Персией и Россией», вновь ссылаясь на свои прежние инструкции¹. Инструкции же эти предписывали, как мы знаем, добиваться для Ирана «почетного мира», т. е. мира, основанного на удовлетворении притязаний Ирана.

Еще в марте 1808 г. Гудович отправил в Тавриз и Тегеран своего нового представителя — подполковника Вреде. Во врученных последнему письмах на имя Аббас-Мирзы, его визиря Мирза-Бозурга, а также иранского визиря Мирза-Шефи, выдвигалось предложение о немедленном заключении мирного договора, с установлением русско-иранской границы по рекам Куре, Араксу и Арпачаю, т. е. с включением в территорию Российской империи ханств Ерванского и Нахичеванского². В то же время Гудович написал письмо Гардану, в котором просил разуверить персов в помощи Франции и поддержать русские предложения³.

Французский посол занял, однако, совершенно иную позицию. Внешне приняв русского уполномоченного крайне любезно, он не только не поддержал его, а, наоборот, предложил заключить лишь перемирие, с тем, чтобы мирные переговоры были перенесены в Париж и велись там при посредничестве Наполеона⁴.

По поводу позиции, занятой Гарданом во время переговоров Вреде в Тегеране, Гудович писал Румянцеву, что французский посол, несмотря на свои дружественные заверения, «на самом деле имея некоторые виды для выгод Франции, не только не внушил тегеранскому кабинету, что прежние вредные для России обещания Франции, во время бывшей войны деланные, теперь не могут быть исполнены, но еще подал им надежду, что когда мирный трактат между Российской империей и Персией поставлен будет чрез посредство французского двора, то Персия может иметь свои выгоды в рассуждении определения границ, которые вместо требуемых ныне Россиею по рекам Куре, Аракс и Арпачай, могут быть назначены другие с уступкою. Таким образом чрез сие предполагается и исполнение некоторой части обещаний Франции и то, что ежели она делается посредником в восстановлении мира, то может получить от Персии другие какие-либо особенные для себя выгоды»⁵.

Результаты вмешательства Гардана не преминули сказаться. Уверенные во французской поддержке, персы не только отвергли русские предложения, но и отвергли их в неслыханно грубой форме. В письмах Аббас-Мирзы и Мирза-Шефи, привезенных Вреде в конце июня, выдвигалось требование передачи Ирану всего Закавказья и даже части Север-

¹ Шампаньи — Гардану, 24 мая 1808 г. («Mission...», p. 328).

² «Акты», III, 456—460.

³ Там же, 426—427.

⁴ Там же, 471—472.

⁵ Гудович — Румянцеву, 6 июля 1808 г. («Акты», III, 478).

ного Кавказа. В своем письме Аббас-Мирза, в ответ на указание Гудовича, что реки Кура, Аракс и Арпачай являются естественной границей между двумя державами, издевательски писал, что и в районе Моздока имеются водные рубежи, которые успешно могут выполнить эту роль. В то же время иранский престолонаследник и Мирза-Шефи предлагали заключить на год перемирие (хотя раньше они сами отказывались от перемирия и настаивали на подписании мирного договора) с тем, чтобы перенести мирные переговоры в Париж. Они одновременно сообщали, что «ево величество император французов уполномочен со стороны Персии в определении демаркационной черты границы между Персией и Россией»¹.

Гардану действительно удалось убедить иранских правителей принять французское предложение. Шах согласился, чтобы мирные переговоры велись в Париже между новым иранским послом Аскер-ханом, отправленным незадолго до этого во Францию² и русским послом Толстым при посредничестве Наполеона³. Сообщая об этом Аббас-Мирзе, Гардан писал, что шах решил предоставить французскому императору все полномочия для заключения мира между Ираном и Россией и заранее согласился принять его третейское решение⁴.

На каких основах иранское правительство рассчитывало, при посредничестве Наполеона, заключить мир с Россией, видно из письма, посланного Шампаньи иранским визирем Мирза-Шефи⁵. Последний писал французскому министру иностранных дел, что настало время выполнить обещания, данные Францией, и просил вести переговоры в Париже на основе следующего принципа: чтобы каждая из воюющих сторон сохранила ту территорию, которой она владела до начала военных действий. Поскольку же иранские правящие круги считали «своей» территорией все закавказские ханства, Грузию и Дагестан, уже в течение многих десятилетий фактически независимые от Ирана, то требование это означало не что иное, как требование заключения мира с Россией на основе аннексии Ираном всех этих территорий.

Предложение о французском посредничестве было сразу же по достоинству оценено в Петербурге, как недопустимое вмешательство Франции в сферу непосредственных интересов России. Те придворные круги, которые с самого начала враждебно относились к союзу с наполеоновской Францией, увидели в этом новое доказательство вредности этого союза. Настроения этих кругов нашли свое выражение в письме Марии Федоровны Александру I от 25 августа 1808 г., в котором мать царя, отговаривая его от поездки в Эрфурт для свидания с Наполеоном, подробно останавливалась на пагубной для России политике французского императора. В этой связи приводился и пример Ирана. «Бонапарт,— говорилось

¹ Гудович — Румянцеву, 6 июля 1808 г., „Акты“, III, 460—461.

² Он прибыл в конце июля 1808 г.

³ Гардан — Шампаньи, 2 июня 1808 г. („Mission...“, 167—172).

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 265, лл. 18 об.— 19.

⁵ АВПР, ф. „Сношения России с Персией“, д. 7 (1740—1808).

в этом письме,— делает себя арбитром в наших разногласиях с Персией, он принимает ее послов»¹.

Еще до этого Румянцев в беседе с Коленкуром недвусмысленно дал понять, что русское правительство относится отрицательно к французскому предложению. Он обратил его внимание на то, что персы, которые до этого просили мира, теперь требуют, чтобы им уступили даже Грузию. Румянцев решительно отклонил предложение о посредничестве Наполеона и о перенесении переговоров в Париж, указав, что это дело касается только России².

Три дня спустя, 12 августа, этой же темы коснулся в своей беседе с Коленкуром и сам царь. Александр назвал претензии персов «безумными» и заявил, что русско-иранской границей может быть лишь река Аракс. «Я не понимаю,— продолжал он,— почему и по каким соображениям они (персы — А. И.) предлагают ваше посредничество: ведь это то же, как если бы я предложил императору мое посредничество в испанских делах, на том основании, что я имею посла в Мадриде, или что испанцы просят меня об этом. Дела этой страны меня не касаются, а мои дела с Персией не могут интересовать императора»³. Намек был достаточно ясным. Александр требовал от Франции отказа от какого-либо вмешательства в иранские дела, входившие в сферу интересов России, взамен невмешательства России в дела Испании, где с каждым днем разрасталось восстание против французов.

Несмотря на это категорическое заявление Александра I, Наполеон не только не дезавуировал Гардана, но и не проявил желания отказаться от своего «посредничества» между Россией и Ираном. В этих целях он намеревался использовать предстоящее свидание с Александром в Эрфурте. По свидетельству иранской хроники, находившийся в Париже иранский посол Аскер-хан «был однажды вызван и ему было предложено сообщить Наполеону название тех стран... которыми завладели русские, с тем, чтобы дать возможность французскому императору поднять этот вопрос во время беседы с императором России при своем свидании с ним»⁴. Лишь сложившаяся к моменту Эрфуртского свидания неблагоприятная для Франции внешнеполитическая обстановка (испанские события, ухудшение отношений с Австрией) и необходимость сохранения в этих условиях союза с Россией вынудили Наполеона отказаться от намерения оказать в Эрфурте прямое давление на Россию в иранском вопросе⁵.

¹ Центральный Государственный архив древних актов, ф. Государственный архив, разряд 1а, д. 3.

² Коленкур — Шампаньи, 9 августа 1808 г. («Дипломатические сношения...», II, 271—273).

³ Коленкур — Наполеону, 12 августа 1808 г. (Там же, II, 280).

⁴ «The Dynasty of the Kajars», p. 373.

⁵ Лишь после эрфуртского свидания, в ноябре, Шампаньи послал Гардану запоздалую инструкцию не настаивать на ведении русско-иранских переговоров в Париже (Шампаньи — Гардану, 2 ноября 1808 г., «Mission...», pp. 335—336).

Одновременно с представлениями, сделанными Коленкуру, Гудовичу был отправлен рескрипт, в котором одобрялось его решение не заключать перемирия с Ираном и сообщалось об отклонении французского посредничества¹. Соответствующий ответ, с отказом от перенесения переговоров в Париж, «ввиду отдаления Парижа от персидских границ», был послан и Мирза-Шефи.

Убедившись в неудаче попытки навязать России французское посредничество, Гардан предпринял новый маневр. Его непосредственной целью являлось теперь предотвратить возобновление военных действий. Объяснилось это, конечно, не его «миролюбием», а стремлением предотвратить поход русских войск на Ереван². В этих целях он побудил визиря Аббас-Мирзы Мирза-Бозурга подписать 23 августа от имени шаха и Аббас-Мирзы обязательство не предпринимать против русских никаких враждебных действий в случае, если русские сами не возобновят войну³. Гардан добился этого, дав со своей стороны письменную гарантию, что Россия не возобновит военные действия до завершения мирных переговоров. Об этой своей непрошенной гарантии французский посол официально известил Гудовича, которому переслал также обязательство, подписанное Мирза-Бозургом⁴.

Все эти маневры Гардана не привели, однако, к желательным для него результатам. 2 сентября (по стар. ст.) Гудович сообщил персам, что он возобновит военные действия в случае, если не будут приняты предложенные условия мира⁵, и еще раз известил Гардана, что он не уполномочен заключить какое-либо иное соглашение с Ираном, кроме мирного договора⁶.

Уже на следующий день, 3 сентября, русский главнокомандующий с отрядом войск в 7,5 тысяч человек двинулся в Памбак. Поскольку он не получил никакого ответа на сделанные им предложения, 26 сентября русские войска вступили в пределы Ереванского ханства.

IV

Военные действия начались весьма успешно для русских войск. Уже 30 сентября они овладели Эчмиадзином, а в начале октября подошли к Еревану и блокировали ереванскую крепость. Одновременно трехтысячный отряд русских войск, двинувшийся из Карабаха и вступивший в Нахичеванское ханство, разбил у селения Кара-баба войска Аббас-Мирзы и 1 ноября овладел Нахичеванью. Таким образом, почти вся территория

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164 (58), л. 52--52 об.

² Докладные записки от 26 ноября 1808 г. и 23 апреля 1809 г., „Mission...“, pp. 256—257, 309—310.

³ Текст этого обязательства см. „Акты“, III, 448.

⁴ „Акты“, III, 488.

⁵ Там же, 488—490.

⁶ Там же, 491.

ханств Ереванского и Нахичеванского была занята русскими войсками, за исключением самой Ереванской крепости.

Успехи русских войск вызвали в иранских правящих кругах настоящую панику. Аббас-Мирза прислал в Тегеран письмо, в котором, по словам Гардана, «рисовал самую безутешную картину создавшегося положения». Он писал о массовом переходе ереванских и нахичеванских жителей на сторону русских и «с горечью жаловался на печальное положение дел»¹. Сам шах, говоря об осаде Ереванской крепости, откровенно заявил французскому послу: «Наше печальное положение таково, что мы не надеемся ее удержать»².

Гардан, однако, не только не рекомендовал персам достигнуть соглашения с русскими, а, наоборот, всячески поощрял их к продолжению борьбы. Он снова поспешил заверить шаха, что Франция окажет всяческую поддержку Ирану, что Наполеон, занятый делами Испании и Португалии, временно не имел возможности уделять внимание Востоку, «но как только он узнает о странном поведении России, он несомненно потребует блестящего удовлетворения и, подобно молнии, обрушится на врагов и уничтожит их»³.

Еще 12 октября, сразу же по получении известий о намерении Гудовича возобновить военные действия, французский посол написал последнему очень резкое письмо, в котором «официально заявлял», что поскольку Иран является союзником французского императора, то военные действия русских войск будут рассматриваться как «провокация» против Франции. Он выражал поэтому надежду, что Гудович не возьмет на себя ответственность за событие, «которое неизбежно вызовет неприятные споры» между Францией и Россией⁴.

Письмо это было вручено секретарю посольства Лажару, которому было поручено отправиться к русскому главнокомандующему. Лажар, выехавший вместе с двумя иранскими уполномоченными, прибыл в русский лагерь под Ереваном 8/20 ноября⁵.

О миссии Лажара и его переговорах с Гудовичем мы имеем сведения из целого ряда документов: прежде всего из писем самого Лажара из Эчмиадзина от 21 и 24 ноября⁶; далее, из донесений Гудовича Александру I и товарищу министра иностранных дел Салтыкову от 11/23 ноября⁷; наконец, из его письма к главнокомандующему русской армией на Дунае Прозоровскому от 5/17 января 1809 г.⁸

¹ Гардан — Шампаньи, 24 ноября 1808 г. (*Mission...*, р. 288).

² Запись аудиенции у шаха 23 ноября 1808 г. (Там же, 233).

³ Там же, 235.

⁴ Там же, 205—207.

⁵ „Записка о происшествии при движении войск в Грузии 1808 года“ („Акты“, III, 262).

⁶ АВПР, ф. Сношения России с Персией, д. 7 (1743—1808), лл. 127—128. Текст письма от 24 ноября опубликован в книге H. Dehérein „Silvestre de Sacy. Ses contemporains et ses disciples“. Paris, 1938, pp. 49—50.

⁷ „Акты“, III, 252—256, 264—265.

⁸ Там же, 507—510.

Лажар заявил Гудовичу, что ему поручено настаивать, чтобы русские войска прекратили военные действия и удалились с территории Ереванского ханства. Гудович решительно отверг это предложение и добавил, что он ожидал от французского посольства, как посольства дружественной державы, содействия «пользам России». Он далее спросил, будет ли Франция и теперь выполнять свои прежние обещания, данные Ирану во время войны с Россией. Лажар ответил, что у французского посольства нет каких-либо новых инструкций и сообщил, что ему поручено заявить русскому главнокомандующему протест, если военные действия в Ереванском ханстве будут продолжаться. Гудович указал на это, что он действует не самовольно, а по предписанию императора и что, следовательно, протест этот, если он будет официально заявлен, будет направлен не против него лично, а против всей Российской империи. Он рекомендовал воздержаться от этого шага, так как у Франции и без того достаточно затруднений — Испания восстала, Австрия вооружается и поэтому Наполеон не может не нуждаться в дружбе России, дружбе, которая к тому же была вновь подтверждена в Эрфурте¹.

Одновременно с дипломатическим демаршем, Гардан принял и иные меры для противодействия русским войскам. Как раз накануне возобновления военных действий, когда русская армия уже двинулась к границе, французские офицеры посетили Ереван в целях дальнейшего укрепления Ереванской крепости². Сообщая Румянцеву, «что французская миссия, несмотря на дружественный союз с нами, более теперь вредит делам моим с Персией, нежели она прежде то делала во время войны с Францией», Гудович по этому поводу писал: «Они же (французы — А. И.) при движении моем с войсками к Памбакским и прежде, нежели я вступил в Эриванские границы, присылали одного инженерного офицера Вердье и других в Эриванскую крепость и в Эчмиадзинский монастырь для осмотра и укрепления оных»³.

Правда, после начала военных действий Гардан счел необходимым формально запретить французским офицерам принимать участие в военных операциях. Но этот приказ носил скорее символический характер.

¹ Встретив столь решительный отпор, Лажар вынужден был на следующий день заявить, что он отказывается от предъявления официального протеста, содержащегося в письме Гардана, которое он так и не вручил. При первом свидании с Гудовичом им было предъявлено другое письмо Гардана от того же 12 октября («Акты», III, 495—496), в котором сообщалось лишь о данных ему полномочиях. Затем, написав письмо на имя коменданта Ереванской крепости Хасан-хана о неудаче своей миссии, он удалился в Эчмиадзинский монастырь.

² Укрепление Ереванской крепости началось еще за несколько месяцев до этого. Первые сведения об этом были получены русским командованием еще в марте (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4259, лл. 66—67 об.; д. 6164 (58), (лл. 94—94 об.); в июне Невсветаев вновь сообщал, что «Эриванскую крепость приводят в оборонительное укрепление». (Там же, д. 6164 (58), л. 25 об.).

³ Гудович — Румянцеву, 30 октября 1803 г. («Акты», III, 498).

По свидетельству самого Гардана, французские офицеры отнюдь не удалились с театра военных действий, а остались в Хое, где в то время находилась штаб-квартира Аббас-Мирзы¹. Это подтверждается и русскими документами. «Шах-заде Аббас-Мирза,— извещал Гудовича генерал Портнягин,— находится в Хое, войска у него от четырех до пяти тысяч человек, для того, чтобы в случае подать помощь Эривани; при нем находится три французских офицера»². «Сей Вердые, писал в своем рапорте от 30 октября Гудович, по известиям из персидского лагеря, находится при Баба-ханове сыне»³.

Французские офицеры, в том числе Вердые и Лами, поступили так отнюдь не в нарушение предписаний посла. Наоборот, как они сами сообщали Аббас-Мирзе, Гардан, официально запретив им принимать участие в военных действиях, в то же время разрешил им «остаться в качестве гостей в Азербайджане»⁴. И эти своеобразные «гости» отнюдь не играли роль пассивных зрителей.

По сообщению иранской хроники, Лами вскоре вновь отправился в Ереван (в момент, когда русская армия находилась уже в окрестностях этого города) и, вернувшись, доложил Аббас-Мирзе о результатах своей поездки⁵. А что Лами, будучи в Ереване, в разгаре военных действий, не занимался лишь наблюдением и сбором сведений, мы знаем из показаний двух грузинских князей Дондарова и Херхеуладзе, бежавших в ночь на 1 октября из иранского лагеря под Ереваном. По прибытии в местонахождение русских войск они, между прочим, сообщили: «Эривань противу прежнего несравненно укреплена, а для лучшего распоряжения и укрепления оной находится там французский офицер... Вчерашний день (т. е. 30 сентября — А. И.) была проба крепостным орудиям»⁶.

Враждебная России деятельность французской миссии, уже и до этого известная русскому правительству, приняла после возобновления военных действий такие недопустимые формы, что заставила правительственные круги Петербурга обратить на нее самое серьезное внимание. 23 ноября товарищу министра иностранных дел Салтыкову была представлена специальная докладная записка «О персидских делах» («Sur les affaires de la Perse»), которая 26 ноября была доложена Алек-

¹ Гардан — Шампаньи, 24 ноября 1803 г. („Mission...“, p. 217).

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164 (58), л. 120—120 об.

³ „Акты“, III, 498.

⁴ „The Dynasty of the Kajars“, p. 374.

⁵ Там же, стр. 375. Выводы его, правда, были пессимистическими: он считал, что русские войска овладеют Ереванской крепостью за 8—16 дней.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 42—59, лл. 17—18 об. Что этим офицером был Лами, видно из того, что, по сообщению иранской хроники, последний посетил Ереван, когда русские находились уже вблизи этого города, т. е. как раз в последних числах сентября по старому стилю. Вердые же, по сведениям Гудовича, был в Ереване в то время, когда русская армия уже двинулась в Бамбак, но еще не перешла границы, т. е. за две-три недели до этого.

сандру I¹. В записке этой отмечалось, что «влияние, которое имеет французская миссия в Персии, далеко не будучи нам благоприятным, непосредственно вредит нашим интересам». Вооружение Персии и военные реформы, проводимые там французскими офицерами, могли быть терпимы Россией лишь как мероприятия, направленные против английских сил в Индии, в чем неоднократно уверяли французы. Между тем, на деле, французский офицер посещает фортификации Эривани и затем, к моменту возобновления военных действий, отправляется в лагерь Аббас-Мирзы. В то же время к Гудовичу прибывает секретарь французского посольства с единственной целью принудить русские войска удалиться. Все это не может не привести к выводу, «что если новая военная организация Персии эвентуально направлена против Англии, она вполне может иметь своей постоянной целью Россию, или эти две державы одновременно». Французская миссия уже и так распространяет слухи, что русские должны будут, в результате договора Франции с Персией, эвакуировать свои войска из Закавказья. Существует и реальное опасение, что французы, имея свободный доступ в Грузию, могут попытаться вызвать волнения среди кавказских горцев. В заключение в докладной записке указывалось на необходимость сделать откровенное представление французскому правительству и настоять, чтобы Гардану было дано категорическое предписание положить конец враждебной России деятельности.

Тем временем исход борьбы решался у Еревана. Взятие Ереванской крепости привело бы, несомненно, к окончанию войны. Русские власти были столь уверены в этом, что заранее был даже составлен проект мирного договора, который предполагалось подписать в Ереване.

Осада Ереванской крепости, между тем, затягивалась. Все попытки Гудовича принудить, путем переговоров, гарнизон к капитуляции, не привели ни к каким результатам. Наконец, главнокомандующий решился на штурм крепости. Штурм этот был предпринят 17/29 ноября, но окончился неудачей. После этого Гудович, ввиду приближения зимы и затруднений с доставкой продовольствия, вынужден был снять осаду и вернуться с войсками в Грузию.

Вопреки расчетам русского командования, Ереванская крепость оказалась укрепленной, под руководством Вердые и Лами, по всем правилам фортификационного искусства. Гудович в своих донесениях вынужден был констатировать, что «крепость Эриванская укреплена по всем европейским правилам, имея две стены и впереди их ров и гласис», что «крепость Эриванская чрезвычайно укреплена, имея гласис, а за ним две стены, снабженные артиллерисю»². Далее, оказалось, что в крепости находилось «до 2000 гарнизона, состоящего из регулярной пехоты, заведенной Аббас-Мирзой»³, т. е. войск, обученных французскими офицерами регулярному строю. Сам Гардан в своих донесениях французскому мини-

¹ АВПР, ф. СПб Главный архив, 1—13, 1801—1814 гг., д. 5, лл. 90—93.

² «Акты», III, 246, 254, 264, 509.

³ Там же, 244.

стру иностранных дел также сообщал, что в обороне Еревана принял участие батальон войск, «недавно обученных по-европейски»¹. Он откровенно писал, что удачной обороной Еревана персы «немало обязаны советам» Лами².

Обученные французскими офицерами иранские войска применили при обороне крепости совершенно новую для них военную технику и тактику. По этому поводу Гудович сообщал: «Во рву поставлены были пушки и действовали картечью, чего прежде никогда персиане не делали, также были фугасы и бомбы с подведенными штапенами»³.

Гудович выступил в поход на Ереван со своими немногочисленными войсками в расчете преодолеть лишь то сопротивление, какое до этого обычно оказывали иранские войска. На деле же ему пришлось осаждать хорошо укрепленную крепость, не имея в своем распоряжении даже осадной артиллерии и располагая лишь полевыми орудиями и двумя мортирами⁴.

Враждебная России деятельность французской военной миссии в Иране явилась, таким образом, одной из причин неблагоприятного исхода экспедиции Гудовича. Именно так и была воспринята русскими правящими сферами и широкими слоями русского общества неудача русских войск под Ереваном. Это вынужден был констатировать и французский посол Коленкур. 28 февраля 1809 г., когда разрыв между Францией и Австрией являлся уже неизбежным и когда для французской дипломатии представлялось крайне важным добиться вовлечения России в войну против Австрии, Коленкур, в срочном донесении Наполеону, сообщая о тревожных симптомах враждебного отношения русского общества к этой войне, писал: «Вена и некоторые круги (coteries) Петербурга, являющиеся ее подголосками, приписывают французским офицерам генерала Гардана неудачу маршала Гудовича под Ереваном; этим пользуются как лишним поводом для осуждения решения, принятого, как полагают, императором, выступить против Австрии»⁵.

Сам Александр I в очень резкой форме выразил французскому послу недовольство «демаршами генерала Гардана». Он напомнил заявление, сделанное ему в Тильзите Наполеоном, что франко-русский союз меняет в отношении Персии все, что было до тех пор. «Ведь на самом деле, — добавил он, — Персия слишком далека от вас, чтоб вы имели какой-либо интерес вмешиваться в ее дела; это касается исключительно России»⁶.

Враждебная России политика Франции в Иране не была забыта русским правительством и в дальнейшем. В июне 1810 г., во время объяснения с Коленкуром по поводу турецких дел, Румянцев снова считал нужным

¹ „Mission...“, p. 302.

² Там же, стр. 270.

³ „Акты“, III, 254, 264. См. также 509.

⁴ „Акты“, III, 509.

⁵ „Дипломатические сношения...“, III, 128.

⁶ Коленкур — Наполеону, 5 февраля 1809 г. („Дипломатические сношения...“, III, 43—44).

напомнить французскому послу, что Франция «в свое время делала в Персии внушения, мало благоприятные интересам России»¹.

Французская буржуазно-националистическая историография потратила не мало усилий, чтобы приписать России вину за ослабление и распад франко-русского союза и, следовательно, за войну 1812 г. Вся, например, схема Сореля и Вандаля сводится к следующему. Франция честно и лояльно выполняла свои союзные обязательства. «Неблагодарная» же Россия, в тяжелый для Франции момент, когда она против своей воли была вовлечена в войну с Австрией, не выполнила свой союзнический долг, объявив Австрии лишь фактивную войну и не оказав Франции никакой реальной помощи. Это вызвало справедливое негодование Наполеона и положило начало охлаждению в русско-французских отношениях.

Все подобного рода утверждения не соответствуют, однако, исторической действительности. Мы не можем говорить здесь о многочисленных причинах, приведших к ослаблению франко-русского союза еще задолго до франко-австрийской войны 1809 г. Укажем лишь, что немаловажное значение имели восточные дела — как турецкие, так и персидские. Французская политика в Иране, где посольство Гардана оказывало столь упорное сопротивление присоединению Закавказья к России, не могла не содействовать дальнейшему ухудшению франко-русских отношений и явилась одной из причин, побудивших Россию занять пассивную позицию во время войны 1809 года.

¹ Коленкур — Шампаньи, 30 июня 1810 г. (Там же, V, 54).